

Страна Цючи славилась своей мощью. И хотя лежала она на диких южных рубежах, лишь её армия была способна на равных противостоять императорским войскам. Правитель Му Чжихоу давным-давно провёл границу по реке, разделив свои владения со Срединными равнинами, и с тех пор обе державы жили в согласии. Цючи не только не платила дани и не признавала над собой власти императора, но даже обменивалась с ним дарами и поздравлениями по большим праздникам.

В пределах Цючи правитель возвышался над всеми, окружённый любовью и почтением народа. Но вот о Государственном наставнике, ведавшем судьбами государства и карами, люди говорили лишь шёпотом, трепеща от одного его упоминания.

Му Чжихоу безгранично доверял Палате государственного наставника. От глобальных вопросов управления и законотворчества до устройства празднеств и придворных обрядов — правитель не предпринимал ничего, не посоветовавшись с духовным владыкой. В народе поговаривали, будто слово Наставника весит больше, чем воля самого государя. Ведь любое решение правителя требовало его одобрения, тогда как замыслы самого Наставника принимались безропотно, а Му Чжихоу лишь осыпал их похвалами.

Рассказывали, как однажды седьмой сын Му Чжихоу совершил тяжкое преступление. Пользуясь своим высоким происхождением, он оставался безнаказанным — никто из судей не смел даже допросить его. Тогда Резиденция государственного наставника, минуя Инспекционный приказ, схватила дерзкого принца глубокой ночью. Допрос, признание и казнь заняли едва ли час. Наставник лично отрубил царственному преступнику голову и лишь затем явился во дворец, чтобы известить Му Чжихоу. И правитель смиренно принял это, не выказав и тени гнева.

Впрочем, злые языки шептались, будто государь просто не осмелился выказать обиду.

Именно такую грозную фигуру ждали сегодня в монастыре. Цинь Чжэн, бездомный бродяга, добравшийся до этих мест совсем недавно, краем уха слышал о пугающем могуществе южного Наставника, но никогда не видел столь высоких особ воочию. Узнав о скором прибытии столь важного гостя, юноша невольно залюбопытствовал и захотел хоть краем глаза взглянуть на него.

Ради этого стоило немного уступить.

— Раз уж едет сам Государственный наставник, я отсяду немного в сторону. Подожду там, а как он уедет — вернусь на прежнее место.

Впрочем, его «отсяду» означало сдвинуться едва ли на три шага вбок — подняться, переступить с ноги на ногу и снова усестись на землю.

Монах с метлой почувствовал себя откровенно одураченным. Этот наглец и впрямь вознамерился обосноваться на пороге обители! Послушник думал, что грозное имя Наставника заставит бродягу убраться восвояси, прояви он хоть каплю благоразумия, однако тот, казалось, не ведал перед грозным владыкой ни малейшего страха.

— И не надейся, что Наставник замолвит за тебя словечко перед настоятелем! — недовольно буркнул монах. — У него есть дела поважнее, да и настоятель не желает иметь с тобой ничего общего.

Цинь Чжэн искренне удивился:

— Но настоятель даже не выходил ко мне. Откуда тебе знать, что он не хочет со мной говорить?

Монах закинул метлу на плечо, собираясь уходить, но напоследок всё же решил дать бродяге совет:

— Наш настоятель велел передать тебе: на человеческом веку отмерено сто восемь невзгод. Сколько из них преодолел ты? Тот, кто по-настоящему отринул суетный мир и готов посвятить жизнь молитвам у тусклой лампы, не станет изо дня в день топить тоску в вине, предаваясь Пьяной жизни, призрачной смерти.

— «Лишь не цепляясь за земное и не ища покоя, можно сохранить чистоту помыслов». Если тебе это не под силу, незачем и пытаться. А коли не можешь отпустить бывшее — прими его. Для того, в чьем сердце живёт Будда, и сидение, и ходьба станут созерцанием; незачем ради этого стричься в монахи именно в нашей обители. Подумай над этим.

Цинь Чжэн на мгновение опешил. Обдумывая слова настоятеля, он невольно восхитился: настоящий мудрец, даже прогоняет так складно, что не возразишь. Но идти юноше было совершенно некуда. Неужели великий наставник не понимал, что дело не только в неспособности отречься от прошлого? Ему, потерявшему всё на свете, просто нужен был тёплый угол, чтобы выжить.

Впрочем, раз уж он решился уйти в монастырь, отступать не следовало. Нужно стоять на своём до конца — не могут же сердца здешних праведников быть каменными. К тому же в последние дни ему несказанно везло: кто-то сердобольный регулярно приносил ему еду. Не иначе как благословение этих святых мест! Раз уж прямо у ворот храма его сытно кормят и держат в тепле, с какой стати ему уходить?

Послушник скрылся за воротами. Вскоре из глубины двора донёсся размеренный гул колокола, а следом за ним — монотонный хор голосов, затянувших сутры. От этого заунывного пения у Цинь Чжэна закружилась голова.

Вслед за головокружением пришло онемение в пальцах, дышать стало тяжело, а внутри, в

самой глубине тела, заворочался нестерпимый зуд, будто тысячи муравьёв принялись грызть его плоть. Силы мгновенно оставили Цинь Чжэна. Заваливаясь набок и упираясь дрожащей рукой в землю, он отчаянно зашарил в складках лохмотьев, пытаясь нащупать заветную флягу с вином.

За последние три дня, проведённых в сытости и покое, он совсем расслабился и потерял бдительность. Забыл, что яд требует дани строго по часам и ему жизненно необходимо сделать хотя бы глоток. И вот теперь оба они пробудились разом, сойдясь в беспощадной схватке. От дикой боли у него перехватило дыхание; не осталось сил даже на то, чтобы вытащить пробку. Тело юноши забилося в судорогах, и он без чувств рухнул на каменные плиты перед храмом.

В этот момент из ворот кто-то выходил. Увидев лежащего на земле нищего, который содрогался в жестоком ознобе, человек испуганно вскрикнул и бросился обратно звать на помощь. В это время в главном зале настоятель и его ученики смиренно внимали проповеди Государственного наставника. Прерывать такое собрание было неслыханной дерзостью, но и бросить умирающего у порога буддийские заповеди не позволяли. Настоятель извиняюще поклонился высокому гостю и поспешил к воротам.

Владыка храма остановился у самого порога, не желая осквернять ноги пылью мирской дороги. Цинь Чжэн уже не бился в судорогах, а лежал неподвижно, бледный как смерть. По знаку настоятеля один из послушников приподнял бродягу и сильно надавил ему на ложбинку над верхней губой, пытаясь привести в чувство, но тот не реагировал.

— Говорят, этот малый околачивается здесь уже три дня и наотрез отказывается уходить, — холодно заметил настоятель, брезгливо держась в стороне. — Неужто его разбил какой-то недуг?

Ученик коснулся запястья Цинь Чжэна, пытаясь нащупать пульс, но лишь растерянно покачал головой:

— Пульс едва пробивается, он нитевиден. Трудно сказать, в чём причина.

Тут из толпы зевак протиснулся давешний монах с метлой. Хотя он и недолго любил попрошайку, сейчас ему стало не по себе — неужто давешние слова о скорой смерти без глотка вина были горькой правдой?

— Он без ума от хмельного, — торопливо заговорил монах. — Откройте его флягу и поднесите к носу. Если не очнётся, влейте каплю в рот — вдруг поможет?

Послушник последовал совету. Сначала он поднёс горлышко к лицу юноши, но тот даже не поморщился. Тогда монах осторожно разжал ему зубы и влил в горло немного хмельной влаги.

Крепкое вино обожгло горло, проникая внутрь. Смертоносный яд, встретив спасительное противоядие, отступил. Цинь Чжэн судорожно закашлялся и медленно открыл глаза.

Послушник с метлой вздохнул — с облегчением, но не без укоризны:

— Ну точно, обычная винная горячка.

Убедившись, что бродяга жив, настоятель не пожелал тратить на него время. Он уже развернулся, собираясь уйти, как вдруг заметил, что из глубин обители к ним шествует пышная свита. Лицо духовного отца мгновенно преобразилось, он поспешно сложил ладони в почтительном приветствии:

— Великий Наставник, зачем вы покинули зал? На пороге сущая безделица, недостойная вашего драгоценного внимания.

Цинь Чжэн всё ещё блуждал в полузабытьи. Монахи прислонили его к шершавой глиняной стене и поспешили вслед за настоятелем. Сквозь мутную пелену перед глазами юноша видел размытые очертания людей и слышал заискивающий голос настоятеля, но слова расплывались, не складываясь в смысл. Понимая, что до него снова никому нет дела, он нетвёрдой рукой поднёс флягу к губам и сделал ещё несколько жадных глотков, чтобы окончательно разогнать холодную дрожь в груди.

— Ничего страшного. Мне и самому не помешает передышка.

Государственному наставнику на вид было не более двадцати пяти лет. Благородные черты лица, безупречная осанка и белоснежные шёлковые одежды делали его похожим на небожителя, сошедшего с вершин, — трудно было поверить, что этот человек изо дня в день погружён в грязные государственные интриги. На плече его примостился маленький белоснежный хорёк. Словно почуяв резкий запах дешёвого сивушного перегара, зверёк зашевелил носом, повёл ушами и негромко пискнул в сторону ворот.

Заметив странное беспокойство своего любимца, Наставник слегка нахмурился и направился к выходу из монастыря.

Хмель быстро ударил Цинь Чжэну в голову. Жар разлился по жилам, дышать в душном капюшоне стало невыносимо, и юноша небрежным движением откинул его назад. Как раз в этот миг вышедший из ворот Наставник взглянул на него — и был глубоко потрясён.

В глазах у Цинь Чжэна всё ещё двоилось. Он лишь смутно различал перед собой ослепительно белую фигуру. Юноша сощурился, пытаясь разглядеть лицо незнакомца, но безуспешно, и лишь виновато пробормотал:

— Прошу прощения... Кажется, я помешал вам...

Наставник помрачнел. Резким жестом он приказал свите отступить, оставив подле себя лишь одного самого доверенного телохранителя. Когда любопытные глаза скрылись за стенами, он

поспешно опустился на одно колено, схватил Цинь Чжэна за плечи и потрясённо прошептал:

— Цинь Чжэн?! Неужели это правда ты?! Великое небо, во что же ты превратился?!

Стоило лишь открыть лицо, как его тут же узнали.

«Неужто этот богом забытый городишко на южной окраине проклят для меня?» — с тоской подумал юноша.

Вместо ответа он мотнул головой, пытаясь прогнать винные пары и сфокусировать взгляд на лице собеседника. Когда черты мужчины наконец обрели чёткость, Цинь Чжэн окончательно растерялся.

Этот человек никогда бы не причинил ему зла. Но встретиться с ним здесь, в таком жалком, непотребном виде... Судьба словно издевалась над ним, нанося один сокрушительный удар за другим.

— Цюй Чэнь?.. — Цинь Чжэн вымучил улыбку, которая больше походила на болезненную гримасу. — Надо же... Ты теперь Государственный наставник. Поздравляю. От всей души поздравляю...

Слова эти были искренними, но из уст оборванного калеки они звучали настолько жалко, что у любого невольно сжалось бы сердце.

А ведь когда-то они шли на равных. На Собрании испытания мечей Цинь Чжэн сокрушил всех соперников и взял первенство, купаясь в лучах славы. Единственным, кто шёл с ним плечом к плечу и уступил лишь самую малость, заняв второе место, был Цюй Чэнь.

В те годы молодой южанин только начинал свой путь. Он в одиночку явился на великое празднество Срединных равнин и, несмотря на юные лета, показал невероятное мастерство. Обоих юношей тогда превозносили до небес, и слухи об их талантах гремели по всему миру боевых искусств.

Именно на том состязании пять лет назад они и сошлись. Сблизившись благодаря мечу, они делились друг с другом самым сокровенным и вскоре стали названными братьями. Цюй Чэнь был на год старше. Как-то раз, крепко выпив, Цинь Чжэн в шутку объявил, что отныне считает его своим старшим братом.

Но дороги их разошлись. Минули годы разлуки. Цинь Чжэн полагал, что каждый из них добьётся величия на своём поприще. Кто же знал, что судьба вознесёт одного до небес, а другого втопчет в грязь? И новая их встреча окажется столь горькой и постыдной.

Цюй Чэнь долгим, потрясённым взглядом окинул старого друга. В груди его бушевал вихрь

жалости, гнева и недоумения. Не зная, с чего начать разговор, он выдавил лишь одно слово:

— А меч?.. Где твой меч?

Цинь Чжэн стыдливо отвёл взгляд:

— Спрятан. Больше я его не обнажу.

Вспомнив испуганные крики слуг о том, что нищий бродяга бился у ворот в беспамятстве, Наставник встревожился ещё сильнее:

— Что с тобой произошло только что? Почему ты упал?

Цинь Чжэн лишь невесело усмехнулся:

— Да ладно тебе, обычное дело. Просто вовремя не опохмелился.

— Хватит молоть чушь! Оставляй эти сказки для глупых монахов, но мне-то зачем врать?! — Голос Цюй Чэня невольно сорвался, выдавая переполнявшее его волнение.

Улыбка сползла с лица Цинь Чжэна. Будь всё как прежде, он был бы несказанно рад встретить близкого друга. Но сейчас любые расспросы оборачивались для него непосильной ношей. Ему не хотелось оправдываться, а говорить правду он просто не имел права. На каждый простой вопрос пришлось бы громоздить горы лжи. Какой смысл продолжать этот разговор?

Он помрачнел, холодно сбросил руки друга со своих плеч и резко отчеканил:

— Считаю мои слова глупостью, если угодно. У великого Наставника полно важных государственных забот, а мне, простому попрошайке, недосуг отвлекать вас. Прощайте.

Видя, как юноша, качаясь, силится подняться на ноги, Цюй Чэнь порывисто шагнул вперёд, чтобы удержать его. Но Цинь Чжэн выставил ладонь, преграждая ему путь:

— Высокопочтенному Государственному наставнику не пристало прилюдно возиться с нищим у порога святой обители. Прошу тебя,пусти меня.

Цюй Чэню сделалось неловко. Он не понимал, почему друг так ожесточился и говорит столь обидные, ранящие слова.

— Но Цинь Чжэн, посмотри на себя... Ты же...

— Каждое твоё слово возвращает меня в прошлое, — прервал его Цинь Чжэн, и в его тусклом взгляде мелькнула отчаянная мольба. — А теперь взгляни на то, что от меня осталось. Моё сердце — не камень. Я давно растерял остатки гордости и хочу лишь одного — тихо угаснуть там, где меня никто не знает. Если ты хоть немного дорожишь нашей дружбой, не спрашивай ни о чём и не пытайся меня вернуть.

Его голос дрогнул:

— Все те преступления... это действительно моих рук дело. Если не собираешься меня казнить — просто позволь уйти.

Опустив голову, он побрёл прочь. Маленький хорёк, словно почуяв душевную боль хозяина и поняв, что тот не смеет остановить беглеца, внезапно сорвался с плеча Наставника. Белой молнией он перелетел на плечо Цинь Чжэна, вцепился зубками в край его потрёпанного плаща и отчаянно заверещал, не давая сделать и шага.

Цинь Чжэн замер. Не оборачиваясь, он тихо произнёс:

— Брат Чэнь... Неужели мне нужно умолять тебя на коленях?

Цюй Чэнь тяжело вздохнул, глядя на поникшую спину друга. Все заготовленные слова застряли у него в горле. Он лишь бессильно опустил руки и позвал питомца:

— Туаньцзы, не балуй. Назад.

Услышав приказ, Туаньцзы нехотя разжал зубки и, понутив голову, перепрыгнул обратно на плечо хозяина. Когда Цюй Чэнь снова поднял глаза, одинокий силуэт Цинь Чжэна уже растворился в дорожной пыли.

Цюй Чэнь был связан важными государственными делами. К тому же его высокое положение Наставника не позволяло действовать опрометчиво: бросься он в погоню лично, за ним неизбежно последовала бы вся стража, что мгновенно выдало бы Цинь Чжэна и навлекло на него смертельную опасность. Провожая друга тоскливым взглядом, он лишь тихо повелел верному телохранителю следовать за ним по пятам, не упуская из виду.